

УДК 81.366.553

*М.Г. Милютина***СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

На примере оценочных по семантике субстантиватов *лучшее*, *худшее* и субстантивированных устойчивых словосочетаний, включающих их в свой состав, обсуждается проблема перехода прилагательных в превосходной степени сравнения в существительные. Указывается, что грамматические характеристики субстантиватов *лучшее* и *худшее* изменились лишь частично: градационное значение превосходной степени полностью сохраняется, поэтому данные субстантиваты являются синкретичным по своей семантике. Указанные субстантиваты и субстантивированные устойчивые словосочетания, включающие их в свой состав, в современном русском языке активно используются в разных функциональных стилях речи, являются частотными и могут выполнять функцию гиперболизации. Данные толковых словарей и Национального корпуса русского языка позволяют отнести субстантиваты *лучшее* и *худшее* к узуальным явлениям современного языка.

Ключевые слова: транспозиция, субстантивация, лучшее, худшее, лучшее из лучших, худшее из худших, самое лучшее.

Исследование языка/речи без учёта существования синкретичных переходных явлений бесперспективно.
В.В. Бабайцева

По мнению М.Ф. Лукина, язык развивается в связи с коммуникативными потребностями членов общества, потребностями, которые являются причиной изменений, новообразований, инноваций в языке, куда относится «и так называемый переход слов из одной части речи в другую» [12. С. 50].

Исследователи считают субстантивацию прилагательных в русском языке активным многоступенчатым семантическим процессом, охватывающим широкий спектр явлений.

Проблема, которая будет обсуждаться нами в данной статье, отнюдь не нова для языкознания, она не раз привлекала внимание учёных разных поколений, о чём свидетельствует большой объём научной литературы, а также множество подходов и концепций.

Существительные, произведенные способом субстантивации, называют субстантиватами. Этот термин был предложен В.В. Лопатиным и является общим родовым термином по отношению к «субстантивированному прилагательному» и «субстантивированному причастию».

Термин *субстантивация* используется и в словообразовании и в морфологии. При этом в морфологии субстантивация трактуется, прежде всего, как один из процессов взаимодействия частей речи, один из типов функциональной транспозиции. В рамках теории функциональной транспозиции вместо термина субстантивация используется также термин «*отадъективная транспозиция*, при которой в качестве транспозита выступает имя прилагательное» [7. С. 14].

Вопросами субстантивации в разное время и в разных аспектах занимались такие современные исследователи, как В.В. Лопатин [10; 11], И.Ф. Протченко [16], М.Ф. Лукин [12], Г.Г. Соколова [18], В.Н. Немченко [14], В.В. Шигуров [22], У.Н. Фысина [20] и др.

Грамматический подход к рассмотрению проблемы субстантивации привёл к появлению в 1970–80-х гг. теории функциональной омонимии. Большой вклад в развитие этой теории внесли работы О.М. Ким [6; 7], по мнению которой, отадъективная транспозиция – одна из самых продуктивных межчастеречных транспозиционных моделей в современном русском языке. Можно говорить о принципиальной открытости этой модели. И это неудивительно, ведь «фактически прилагательные и морфологически, и функционально-семантически – это «зеркало» существительных» [7. С. 22].

В настоящее время существует мнение, разделяемое многими исследователями: субстантивация – сложное лексико-грамматическое явление, вызываемое комплексом условий лексического, синтаксического и морфологического порядка. Как считает современная исследовательница Е.А. Макарова, перевод адъективной основы в класс субстанциональных слов – это не просто формальная смена синтаксической позиции и функции лексемы, но и глубокая её концептуальная перестройка «в духе» новой части речи» [13. С. 22].

Вывели нас на проблему, обозначенную в названии статьи, данные Национального корпуса русского языка: обнаружилось неожиданно большое количество контекстов, в которых словоформы *лучшее/худшее* употребляются именно в функции существительного, а не прилагательного. Субстантивация именно такого типа – переход в существительное прилагательного не в положительной, а в превосходной степени сравнения – явление, малоизученное. В частности, рассматриваемый нами тип субстантивации не получил освещения в таких современных работах, как: В.А. Чицова «Субстантивация прилагательных и причастий в современном русском и чешском языках» [21], В.В. Бабайцева «Явления переходности в грамматике русского языка» [2], У.Н. Фысина «Субстантиваты в русском языке (стилистический и семантический аспекты)» [20]. Однако на случаи субстантивации прилагательных в сравнительной и превосходной степени указывал ещё Якоб Гримм в работе «Немецкая грамматика» [23]. Это может свидетельствовать о том, что данный тип субстантивации не является прерогативой а) только современного языка, б) только русского языка.

Как уже было указано в начале статьи, процессы переходности обусловлены коммуникативными потребностями членов социума, в частности, причиной возникновения переходности является желание носителей языка выразить мысль точнее, ярче и лаконичнее. Это как нельзя лучше, на наш взгляд, объясняет появление субстантиватов в следующем примере: «*Лучшее враг хорошего*». Согласно данным «Энциклопедического словаря крылатых слов и выражений», крылатым высказывание «*Lemieux est l'ennemi du bien*» стало после выхода в свет романа Вольтера «Недотрога»¹ [29]. В русском² переводе обнаруживаем два субстантивата – *лучшее* и *хорошее*. И в том, и в другом случае в качестве субстантивата употреблено существительное среднего рода. Оба они являются оценочными по своему лексическому значению и явно не имеют формы множественного числа, а потому могут быть отнесены к лексико-грамматическому разряду абстрактных существительных.

Как отмечают исследователи, для субстантивации характерен семантический сдвиг, сопровождающийся частью грамматических изменений или изменений в полном объеме» [19. С. 18]. Грамматические характеристики субстантивата *лучшее* изменились лишь частично: градационное значение превосходной степени (грамматическое значение прилагательного) полностью сохраняется: именно на противопоставлении положительной (*хорошее*) и превосходной степени (*лучшее*) выстроена в данном случае антитеза. Не случайно О.М.Ким отмечает, что транспозиция прилагательного в существительное – это своеобразная конденсация признаков прилагательного и существительного в одном субстантиве [7. С. 22].

Напрашивается определённая аналогия между грамматическими свойствами субстантивата, функционирующего в системе древнейшего языка, и теми свойствами, которыми он обладает в современном языке. Дерзнем даже предположить, что на определённом этапе процесса перехода из прилагательного в существительное для субстантиватов типа *лучшее/худшее* характерно такое неразрывное единство свойств обеих частей речи, которое В.В. Колесов называет семантическим синкретизмом имени [8. С. 152-153, 159]. Во всяком случае В.В. Бабайцева, серьёзно изучавшая проблемы переходности частей речи в русском языке, прямо указывает на «грамматический синкретизм» субстантиватов [2]. Такое видение исследуемой проблемы находится в русле современного полевого подхода к устройству и функционированию грамматической системы языка. По мнению В.Г. Адмони, одним из случаев полевой структуры языка является частичное совпадение полей разных единиц (в нашем случае совпадение полей прилагательного и существительного) [1]. Владимир Григорьевич убедительно доказал принципиальную многоаспектность устройства грамматической системы. Случаи типа субстантивата *лучшее* служат лишь ярким подтверждением этой точки зрения.

¹Впервые в мировой литературе эта мысль встречается в комментарии итальянского автора М. Джиованни (1574) к «Декамерону» Бокаччо. Позже подобную мысль выскажет и У. Шекспир в трагедии «Король Лир»: «Стремясь к лучшему, мы часто портим хорошее». Но крылатым выражение стало после выхода в свет романа «Недотрога» («*La begueule*») Вольтера (псевдоним Франсуа Мари Аруэ, 1694–1778), который использовал эту фразу. Позже Вольтер вновь использует это выражение в своем «Философском словаре» – в статье, посвященной драматическому искусству. Поэтому именно Вольтера было принято считать автором этого афоризма, который цитировали обычно во французской, вольтеровской версии: *Le mieux est l'ennemi du bien*.

²По словарю «*Tresor de la langue française*» во фразе «*Lemieux est l'ennemi du bien*» *du bien* является субстантивированным наречием. *Lemieux* – превосходная степень наречия *bien* – здесь также, как и в русском языке, является существительным.

Ещё А.М. Пешковский заметил, что в отличие от настоящих существительных, заключающих в себе сумму признаков, субстантивированные прилагательные продолжают (что характерно именно для прилагательных) подчёркивать только один признак: «... в существительном... изображается предмет, т.е. сумма признаков, а в прилагательном – один признак... если мы употребляем прилагательное в смысле существительного и если при этом то же прилагательное сохраняется еще в языке и в качестве прилагательного, то у нас не получается настоящего существительного, настоящего предмета. При слове *силач*, например, нам рисуется живой человек со всеми признаками силача (с большими мускулами, с широкой грудью и т. д.), а при слове *сильный*, употребленном в смысле существительного (*с сильным не борись...*), – какой-то неживой, отвлеченный человек, у которого вместо всех признаков человеческих только один: сила» [15. С. 142].

Как известно, все субстантиваты могут быть подразделены на **узуальные** (с полным и частичным переходом в другую часть речи) и **окказиональные** (контекстуальные); см., например: [17]. При этом принадлежность субстантивата к первой или второй группе можно проверить, опираясь на данные толковых словарей современного русского языка. Что мы и сделали.

Оказалось, что на существование субстантиватов *лучший* (м.р.), *лучшая* (ж.р.) и *лучшее* (ср.) указывает уже «Словарь русского языка» (1986): «2. Превосх. ст к прил. хороший; самый хороший. – *Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца.* Лермонтов. Княжна Мери... | **в знач. суц.** лучший, -его, м.; лучшая, -ей, ж.; лучшее, -его, ср. *Всё, чем мы в жизни дорожили, Что было **лучшего** у нас – Мы на один алтарь сложили – И этот пламень не угас!* Н.Некрасов, Три элегии. [*Павлуша Войтек*] был на редкость искренний, прямой, благородный человек. Мы на него всегда смотрели как на **лучшего** из **лучших**. Фурманов. Мятёж» [27. С. 206].

Из приведённой словарной статьи можно заключить, что данный субстантиват оценивается как контекстуальный (окказиональный). В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2000) [24. С. 508] и в «Современном толковом словаре русского языка» (2001) [28. С. 327] возможные субстантивы превосходной степени прилагательного *хороший* отражены так же, как в «Словаре русского языка»(1986) [27], они ещё не выделены в специальную словарную статью.

Однако в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова в редакции 2009 г. (по данным сайта «Грамота.Ру») обнаруживаем уже отдельные словарные статьи как для субстантивированного существительного ср. р., так и для субстантивированного существительного м.р.:

«ЛУЧШЕЕ, -его; **ср.** То, что лучше всего, самое хорошее. *Всё **лучшее** отдадим детям. Всё **лучшему** делается. Оставляет желать **лучшего** что-л.* (о том, что требует усовершенствования, улучшения и т.п.). *Всего **лучшего** (разг.;= до свидания, прощайте)*».

«ЛУЧШИЙ, -его; **м.** Тот, кто лучше всех, самый хороший. *На фронте погибали **лучшие**.* <**Лучшая**, -ей; **ж.**>[25].

Указан, правда, без примеров, и субстантиват ж.р.

В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой также обнаруживаем как субстантиват м.р., так и субстантиват ср.р, правда, в отличие от толковых словарей под ред. С.А. Кузнецова, с пометой *разговорное*:

«ЛУЧШИЙ:

1. <i>м. разг.</i>	
1.	Тот, кто лучше всех; самый хороший.
2. <i>прил.</i>	
1.	Сравн. ст. прил.: хороший.
2.	Превосх. ст. прил.: хороший.

ЛУЧШЕЕ

ср. разг.

1.	То, что лучше всех; самое хорошее» [26].

Обратим внимание, что первым в словарной статье у Т.Ф. Ефремовой указано именно существительное *лучший*, а не сравнительная или превосходная степень прилагательного *хороший*, а словоформа *лучшее* вообще дана только как существительное. На самом деле этот словарь всего лишь подтверждает речевую практику, которая отражена Национальным корпусом русского языка (далее НКРЯ). По данным НКРЯ, контекстов с лексемой *лучшее* (в ср.р.) в функции существительного гораздо больше, чем контекстов с этой же лексемой в функции прилагательного. При этом следует отметить, что субстантиват *лучшее* встречается в текстах разных стилей (художественном, публицистическом, разговорном):

Есть и такие, которые во всем хотят видеть лучшее, и их сангвинический темперамент в самом тяжёлом положении всегда отыскивает какую-то формулу согласия с жизнью. [В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)] [омонимия снята]; НКРЯ.

*Доколумбийских глиняных горшков
Я не купил, на лучшее надеясь.*

[И.В. Чиннов «Как до Колумба, в хижинах ютятся...» (1978)]; НКРЯ.

Казалось, что и скрыл-то не худшее, а лучшее. [В.Г. Распутин. Новая профессия (1998)] [омонимия снята]; НКРЯ.

Мы были молоды, полны надежд на лучшее, старались не пропускать ничего из того, что интересовало нас: театры, концерты, выставки... [И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)] [омонимия снята]; НКРЯ

[№ 4, муж] *А Стругацкие / исконно русские писатели / идущие от глубин отечественной прозы / и они не просто взяли лучшее / но развили и подняли на очень существенную высоту.* [Дискуссия о научной фантастике // Интернет, 1986-1990] [омонимия снята]; НКРЯ.

В мужском роде – такие контексты единичны:

Лучший в фильме даже не людоед, а осёл, которого в оригинале озвучил Эдди Мерфи. [Детский сад (2002) // «Известия», 2002.02.14]; НКРЯ

Таким образом, в сегодняшних условиях языкового существования субстантиват ср.р. *лучшее* явно переместился из группы контекстуальных (оказиональных) в группу узуальных.

Его употребление фиксируется уже в текстах XIX в.:

*Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случилось,
Что лучшее кончалось
Ничем или бедой.*

[Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо (1865–1877)].

Можно предположить, что закрепление позиций оценочной словоформы *лучшее* в качестве субстантивата в современном русском языке связано с общим, характерным для сегодняшней речи стремлением к гиперболизации, с активизацией в ней всеческих *сверх*, *супер*, *гипер* и прочих «глобальных» слов и морфем. Так, Д.В. Гугунава относит производные с частями супер- и сверх-, выражающие высокую степень проявления признака, обозначаемого базовой основой, к числу наиболее востребованных в 90-е гг. XX в. [4].

Интересно, что субстантиваты подобного типа функционируют и в других языках, например, в современном английском. В текстах современной рекламы на английском языке используется субстантиват *the best* (*лучшее*). Об этом пишет А.М. Игумнова. Исследовательница зафиксировала случаи субстантивации прилагательных в превосходной степени, которые переходят в разряд существительных при сохранении функции гиперболизации свойств рекламируемого товара и создания положительной атмосферы, например: «*Style a new you everyday. The new formula from the Wella experts ensures you get the best out of heat styling tools while protecting your hair*» [5. С. 39]. К слову сказать, в русском языке с тем же эффектом гиперболизации³ в рекламных целях используется субстантивированное сочетание *лучший из лучших*. Ср.: «*Лучший из лучших: Kaspersky Internet Security признан AV-Comparatives продуктом года*» (Сайт «KasperskyLab»). В современных условиях существования языка обнаруживаем также конструкцию с эффектом усиленной, акцентированной гиперболизации: «*Лучший из лучших из лучших*» (название программы Александра Ревва и Михаила Галустьяна). И опять возникает аналогия: данный грамматический окказионализм по своему стилистическому эффекту похож на другой, из области словообразования, в котором также имеется акцентированная гиперболизация, «гиперболизация в квадрате»: *По сообщению коллег из муниципалитета Салла, в обозримом будущем на границе Россия-Финляндия в поселке Салла будет построен новый гиперсупермаркет; Globetrotter – пятиэтажный гиперсупермаркет «все для компаса».* Кстати сказать, этот словообразовательный «монстр» в НКРЯ не представлен, но в «волнах» Интернета он свободно «плавает».

В работе У.Н. Фысиной, подробно проанализировавшей лексико-семантические группы субстантивированных прилагательных, имеющиеся в современном русском языке, выделена, в частности, лексико-семантическая группа субстантиватов со значением «обобщённая субстанция» (*невыразимое, жи-*

³О способах и причинах гиперболизации в разговорной речи пишет Л.П. Крысин [9].

вое, общее, обратное и др.) [20]. Эта группа наиболее близка по значению к тому лингвистическому феномену, который мы анализируем. В.В. Лопатин считает, что образование субстантивов этого типа структурно и семантически неограничено: подобное существительное среднего рода с обобщённым значением может быть образовано практически от любого прилагательного» [11. С. 226].

Представляется, что частотность в современном русском языке субстантивов именно среднего рода (*лучшее*) не случайна. Структурно-семантические типы субстантивации обусловлены семантикой грамматического рода и числа. Это удалось доказать В.А. Чижовой в работе «Субстантивация прилагательных и причастий в современных русском и чешском языках» [21]. Исследовательница также выделяет в своей диссертации группу субстантивов среднего рода с обобщенно-отвлеченным значением, полагая, что основное их значение закреплено за наименованием абстрактного носителя свойства. Важно отметить, что в данном случае у исходного качественного прилагательного, как отмечает В.А. Чижова, развивается не дифференцирующая, а интегрирующая функция [21. С. 7-8].

Первой ступенью к появлению абстрактного существительного с обобщающим оценочным значением, очевидно, являются контексты с определительно-обобщающим местоимением *всё*:

Всё наше лучшее росло от безвестных и вековых корней. [И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)] [омонимия снята]; НКРЯ.

Трудно сказать, что из чего протекает — хороший характер ребёнка из любви, которую безмерно и нерасчетливо изливают на него родители, или, напротив, хороший ребёнок вызывает в душах родителей всё лучшее, что в них заложено. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000] [омонимия снята]; НКРЯ.

Помимо субстантивата *лучшее*, не менее активно используется в современном русском языке его антоним — субстантиват *худшее*:

Значит, случилось худшее; это не испугало и не огорчило. [И. Грекова. Перелом (1987)]; [омонимия снята]; НКРЯ;

— *Худшее я знаю про себя, много худшего.* [Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943-1958)] [омонимия снята]

При этом оба субстантивата могут использоваться с целью противопоставления:

Казалось, что и скрыл-то не худшее, а лучшее. [В.Г. Распутин. Новая профессия (1998)]; [омонимия снята]; НКРЯ.

В НКРЯ находим также примеры с другими субстантиватами, образованными от превосходной степени сравнения прилагательного, например, *меньшее*, но такие контексты единичны:

Странная это была несурезица между аскетическими повадками Павла Алексеевича, всем строем его суровой и жестокой жизни хирурга, Елениной механической привычкой брать меньше и худшее так легко и естественно, что никто этого и не замечал, с Василисиной скупостью и строгостью к девочке — и острым желанием Павла Алексеевича посадить дочку и жену под стеклянный колпак, чтобы защитить от сквозняков, грубости, всех шероховатостей мимо текущей жизни. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000] [омонимия снята].

В современных толковых словарях обнаруживаем следующую картину: субстантиват *худшее*, так же, как и *лучшее*, ещё не вынесен в самостоятельную словарную статью в «Большом толковом словаре» (редакция 2014 г.):

«ХУДШИЙ, -ая, -ее. 1. *превосх. ст.* к Худой (2.Х.; 1 зн.) и Плохой (5 зн.; противоп.: лучший) Х. пример, образец, вариант. 2. *сравнит. ст.* к Худой (2.Х.; 1 зн.) и Плохой (1 зн.). *Пойти по худшей дороге. <Худшее, - его; ср. Самое плохое. Предполагать худшее. Худшее уже произошло. Ждать худшего>*» [25].

В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой обнаруживаем *худший* в первую очередь как существительное: (субстантиват м.р., субстантиват ср.р. и субстантиват ж.р.), и лишь затем как прилагательное в превосходной степени сравнения:

«ХУДШАЯ ж.

1. Женск. к сущ.: худший (1*).

ХУДШЕЕ ср.

1. То, что хуже всего; самое плохое.

ХУДШИЙ 1 м.

1. Тот, кто хуже всех; самый плохой.

ХУДШИЙ 2 прил.

1. Самый плохой» [26].

Помимо субстантивированных прилагательных *лучшее*, *лучший*, в современном языке встречаются и субстантивированные сочетания с этим словом, обнаруживающие высокую степень гиперболизации: *самый лучший*, *самое лучшее*, *лучший из лучших*, *лучшее из лучших*, *лучшая из лучших* даже *самый лучший из лучших*:

Время жестоко и оставляет на плаву не всегда самое лучшее, а уж потомкам достается тяжкий труд по крупицам восстанавливать образ Помпей. [Валерий Кичин. Сны о Помпее (2002) // «Известия», 2001.07.20]; НКРЯ.

Что делать, если хочется иметь изысканную мебель и вещи, актуальные для любого времени и места? Ответ очевиден: выбирать лучшее из лучшего. Мебель с историей [Антиквариат будущего (2004) // «Мир & Дом.City», 2004.06.15]; НКРЯ.

По тем временам такую честь оказывали лучшим из лучших – нечасто в армии вступали в партию солдаты и сержанты. [«Я ревностно защищал ислам на Кавказе...» (2004) // «Солдат удачи», 2004.09.08] [омонимия не снята]; НКРЯ.

Есть сумасшедший дом на случай –

И старожилы-сторожа –

Когда из лучших самый лучший

Поднимет знамя мятежа.

[В. Блаженный. «Есть сумасшедший дом на страже...» (1976)]; НКРЯ.

Отметим, что субстантивированное устойчивое цельное словосочетание *лучший из лучших* является а) частотным (в НКРЯ обнаруживаем отнюдь не единичные примеры его употребления в функции существительного); б) может употребляться во множественном числе (см. название альбома группы «Тараканы!» – «*Лучшие из лучших*» (2015 г.)) и в) бытует не только в русском, но и в английском языке: *Best of the Best* (см. название одноимённого фильма «*Best of the Best*» (США, 1989)).

С таким же эффектом гиперболизации используется и субстантивированное словосочетание *худший из худших*, например, как название публицистической статьи: «*Худший из худших*» (Д. Гнедич; 12 сентября 2012, сайт «КИНОМАНИЯ»). Ср. также интересный пример с противопоставлением:

[*Михаил ААА, муж.*] *Вот и получаем двойной отрицательный отбор новых учителей, а худший из худших не возрастит лучших из лучших.* [коллективный. Форум: Раздень Наташу Ростову (2011)] [омонимия не снята]; НКРЯ.

Появилось и название с эффектом языковой игры «*Лучшие из худших или Отряд Самоубийц*» (название статьи Никиты Смирнова от 03.08.2016; сайт «Русский Блоггер»). Игра основана на противопоставлении субстантиватов *лучший* и *худший*.

А в блогах «Живого Журнала» находим текстовый пример игры, полностью выстроенный на перестановке противоположных по значению субстантиватов и, соответственно, на перестановке смыслов. Произведение называется «*Лучшие из худших или худшие из лучших?*». Далее сам текст (приводится в авторской редакции):

«Наконец-то я нашла такое сообщество))

Меня с детства мучает вопрос. Помните, в мультфильме "Пес в сапогах" 1981, в том самом, где храбрые собаки короля сражаются против наглых котов кардинала, и вот там была одна фраза, которая до сих пор не дает мне спокойно спать)

Кот Кардинала говорит Миледи:

– Возьмите лучших из лучших котов!

Миледи:

– Лучшие из лучших зализывают раны.

– Возьмите лучших из худших!

А теперь, внимание, вопрос:

Да почему ж лучших из худших, если существуют худшие из лучших, ведь они априори лучше лучших из худших! :-D

Надеюсь я понятно изъясняюсь?))) [URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/10402819.html>]. (дата обращения 27.08.16).

В приведённом тексте обращает на себя внимание ещё один, уже не стилистико-игровой (хиазм, актуализированный повтор), а сугубо грамматический факт: субстантивированные словосочетания *худшие из лучших* и *лучшие из худших* в предпоследнем предложении сравниваются с помощью собственно прилагательного в сравнительной степени *лучше* (подчёркнуто в тексте), то есть грамматически и синтаксически (конструктивно) ведут себя уже как классические существительные. Анали-

зируемый текст показывает, кроме того, лёгкость перехода от гиперболизированного сочетания прилагательных (*лучшие из лучших котов*) к субстантивированному словосочетанию (в том же значении) в следующем предложении (*Лучшие из лучших зализывают раны*).

Все приведённые в статье факты свидетельствуют о том, что субстантивация прилагательных в превосходной степени сравнения в современном русском языке (и не только) – процесс живой, востребованный жизнью языка и творческими потребностями его носителей, процесс, активно проявляющий себя в разных типах и жанрах речи. Кроме того, зачастую проанализированные в статье субстантиваты и субстантивированные словосочетания являются уже не окказиональными феноменами, а узуальными свидетельствуют (в духе В.Г. Костомарова) о языковых пристрастиях и вкусах нашей эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики. Л.: Наука, 1964. 106 с.
2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивные прилагательные в татарском и русском языках: Сопоставительное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 227 с. URL: <http://www.disserscat.com/content/substantivnyye-prilagatelnye-v-tatarskom-i-russkom-yazykakh-sopostavitelnoe-issledovanie>. (дата обращения: 19.06.16)
4. Гугунава Д.В. Морфемный статус словных частей супер- и гипер-. Литературная критика, 18.12.2002 // Портал Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2002/12/18-67> (дата обращения: 19.06.16).
5. Игумнова А.М. Лексико-морфологические средства гиперболизации в рекламных текстах англоязычных «Женских глянцевого» журналов // Вестник ЧелГУ. 2012. № 2 С. 38-41.
6. Ким О.М. Омонимия на уровне частей речи в современном русском языке: материалы к спецкурсу. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1979. 32 с.
7. Ким О.М. Функциональная морфология русского языка (семасиологический аспект). Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1988. 64 с.
8. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448с.
9. Крысин Л.П. Гипербола в русской разговорной речи // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 244-261. Русский филологический портал. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-04d.htm> (дата обращения: 21.06.16).
10. Лопатин В.В. Способы именного словообразования в современном русском языке (нулевая аффиксация, субстантивация): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 20 с.
11. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке// Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 205-232.
12. Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк: Изд-во ДГПИ, 1973. 101 с.
13. Макарова Е.А. Субстантивация прилагательных: когнитивный аспект // Известия ВГПУ. 2011. № 10. С. 22-25.
14. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984. 255 с.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
16. Протченко И.Ф. О субстантиватах и новообразованиях, создаваемых по их типу // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М.: Наука, 1971. С. 230-235.
17. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «ЧеРо», 1997. URL: <http://www.bibliotekar.ru/russkiy-yazik-2/139.htm> (дата обращения: 12.06.2016).
18. Соколова Г.Г. Транспозиция прилагательных и существительных. М.: Высшая школа, 1973. 235 с.
19. Ташпулатова Д.А. Сравнительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов в таджикском, русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2015. 146 с. URL: <http://www.rtsu.tj/upload/files/дис.%20Ташпулатовой%20Д.%20О..pdf> (дата обращения 07.04.2016)
20. Фысина У.Н. Субстантиваты в русском языке (стилистический и семантический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 196 с.
21. Чижова В.А. Субстантивация прилагательных и причастий в современных русском и чешском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 21 с.
22. Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Саранского ун-та, 1988. 87с.
23. Grimm J. Deutsche Grammatik. Göttingen. IV. Teil, 1837.

СЛОВАРИ

24. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 2000.
25. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 20.06.16).

26. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 20.06.16).
27. Словарь русского языка в 4 томах. Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
28. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001.
29. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс. Вадим Серов. 2003. URL: <http://e-libra.ru/read/215409-yenciklopedicheskij-slovar-krylatyx-slov-i-vyrazhenij.html> (дата обращения: 18.06.16).

Поступила в редакцию 18.07.16

M.G. Milyutina

**SUBSTANTIVATION OF ADJECTIVES IN THE SUPERLATIVE DEGREE
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

The problem of superlative adjectives becoming nouns is discussed with emphasis on substantivized adjectives with evaluative semantics such as “the best”, “the worst” and substantivized set expressions containing them. It is pointed out that the grammatical features of the substantivized adjectives “the best” and “the worst” have changed only partially: the gradation value of superlatives is fully preserved, so these substantivized adjectives are syncretic in their semantics. In the modern Russian language, these substantivized adjectives and substantivized idioms containing them are widely and frequently used in different functional styles of speech and can perform the function of hyperbolization. The data of explanatory dictionaries and of the National corpus of the Russian language allow us to classify the substantivized adjectives “the best” and “the worst” as the usual phenomena of the modern language.

Keywords: transposition, substantivation, the best, the worst, the best of the best, the worst of the worst, the best.

Милютина Марина Георгиевна,
доктор филологических наук
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская 1 (корп. 2)
E-mail: mmilyutina@inbox.ru

Milutina M.G.,
Doctor of Philology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mmilyutina@inbox.ru